

Верный Трезор

И премудрый был, никогда на своих не лаял, а все на чужих. Пройдет, бывало, хозяйский кучер овес воровать -- Трезорка хвостом машет, думает: "Много ли кучеру нужно!" А случится прохожему по своему делу мимо двора идти -- Трезорка еще где заслышит: "Ах, батюшки, воры!"

Видел купец Воротилов Трезоркину услугу и говорил: "Цены этому псу нет!" И ежели случалось в лабаз мимо собачьей конуры проходить, непременно скажет: "Дайте Трезорке помоев!" А Трезорка из кожи от восторга лезет: "Рады стараться, ваше степенство!.. хам-ам! почивайте, ваше степенство, спокойно... хам... ам... ам... ам!"

Однажды даже такой случай был: сам частный пристав к купцу Воротилову на двор пожаловал -- так и на него Трезорка воззрился. Такой содом поднял, что и хозяин, и хозяйка, и дети -- все выбежали. Думали, грабят; смотрят -- ан гость дорогой!

-- Вашескорodie! милости просим! Цыц, Трезорка! Ты это что, мерзавец? не узнал? а? Вашескорodie! водочки! закусить-с.

-- Благодарю. Прекраснейший у вас песик, Никанор Семеныч! благонамеренный!

-- Такой пес! такой пес! Другому человеку так не понять, как он понимает!

-- Собственность, значит, признает; а это, по нынешнему времени, ах как приятно!

И затем, обернувшись к Трезорке, присовокупил:

-- Лай, мой друг, лай! Нынче и человек, ежели который с отличной стороны себя зарекомендовать хочет, -- и тот по-песью лаять обязывается!

Три раза Воротилов Трезорку искушал, прежде чем вполне свое имущество доверил ему. Нарядился вором (удивительно, как к нему этот костюм шел!), выбрал ночь потемнее и пошел в амбар воровать. В первый раз корочку хлеба с собой взял, -- думал этим его соблазнить, -- а Трезорка корочку обнюхал, да как вцепится ему в икру! Во второй раз целую колбасу Трезорке бросил: "Пиль, Трезорушка, пиль!" -- а Трезорка ему фалду оторвал. В третий раз взял с собой рублевую бумажку замасленную -- думал, на деньги пес пойдет; а Трезорка, не будь прост, такого трезвону поднял, что со всего квартала собаки сбежались: стоят да дивуются, с чего это хозяйский пес на своего хозяина заливается?

Тогда купец Воротилов собрал домочадцев и при всех сказал Трезорке:

-- Препоручаю тебе. Трезорка, все мои потроха; и жену, и детей, и имущество -- стереги! Принесите Трезорке помоев!

Понял ли Трезорка хозяйскую похвалу, или уж сам собой, в силу собачьей природы, лай из него, словно из пустой бочки, валил -- только совсем он с тех пор иссобачился. Одним глазом спит, а другим глядит, не лезет ли кто в подворотню; скакать устанет -- ляжет, а цепью все-таки погромыхивает: "Вот он я!" Накормить его позабудут -- он даже очень рад: ежели, дескать, каждый-то день пса кормить, так он, чего доброго, в одну неделю разопсеет! Пинками его челядинцы наделают -- он и в этом полезное предостережение видит, потому что, ежели пса не бить, он и хозяина, того гляди, позабудет. -- Надо с нами, со псами, сурьезно поступать, -- рассуждал он, -- и за дело бей, и без дела бей -- вперед наука! Тогда только мы, псы, настоящими псами будем!

Одним словом, был пес с принципами и так высоко держал свое знамя, что прочие псы поглядят-поглядят, да и подожмут хвост -- куды тебе!

Уж на что Трезорка детей любил, однако и на их искушения не сдавался. Подойдут к нему хозяйские дети:

-- Пойдем, Трезорушка, с нами гулять!

-- Не могу.

-- Не смеешь?

-- Не то что не смею, а права не имею.

-- Пойдем, глупый! мы тебя потихоньку... никто и не увидит!

-- А совесть?

Подожмет Трезорка хвост и спрячется в конуру, от соблазна подальше.

Сколько раз и воры сговаривались: "Поднесемте Трезорке альбом с видами Замоскворечья"; но он и на это не польстился.

-- Не требуется мне никаких видов, -- сказал он, -- на этом дворе я родился, на нем же и старые кости сложу -- каких еще видов нужно! Уйдите до греха!

Одна за Трезоркой слабость была; Кутьку крепко любил, но и то не всегда, а временно.

Кутька на том же дворе жила и тоже была собака добрая, но только без принципов. Полает и перестанет. Поэтому ее на цепи не держали, а жила она больше при хозяйской кухне и около хозяйских детей вертелась. Много она на своем веку сладких кусков съела и никогда с Трезоркой не поделилась; но Трезорка нимало за это на нее не претендовал: на то она и дама, чтобы сладенько поест! Но когда Кутькино сердце начинало говорить, то она потихоньку взвизгивала и скреблась лапой в кухонную дверь. Заслышав эти тихие всхлипыванья, Трезорка, с своей стороны, поднимал такой неистовый и, так сказать, характерный вой, что хозяин, понимая его значение, сам спешил на выручку своего имущества. Трезорку спускали с цепи и на место его сажали дворника Никиту. А Трезорка с Кутькой, взволнованные, счастливые,

убегали к Серпуховским воротам.

Но что было особенно в Трезорке дорого, так это совершенное отсутствие честолюбия. Неизвестно, имел ли он даже понятие о праздниках и о том, что к праздникам купцы имеют обыкновение дарить верных своих слуг. Никаноры ли ("сам" именинник), Анфисы ли ("сама" именинница) на дворе -- он, все равно что в будни, на цепи скачет!

-- Да замолчи ты, постылый! -- крикнет на него Анфиса Карповна, -- знаешь ли, какой сегодня день!

-- Ничего, пусть лает! -- пошутит в ответ Никанор Семеныч, -- это он с ангелом поздравляет! Лай, Трезорушка, лай!

Только раз в нем проснулось что-то вроде честолюбия -- это когда бодливой хозяйской корове Рохле, по гребованию городского пастуха, колокол на шею привезли. Признаться сказать, позавидовал-таки он, когда эна пошла по двору звонить.

-- А цепь-то? -- нашлась Рохля в ответ.

-- Цепь?!

Тут только он понял. До тех пор он думал, что цепь есть цепь, а оказалось, что это нечто вроде как масонский знак. Что он, стало быть, награжден уже изначала, награжден еще в то время, когда ничего не заслужил. И что отныне ему следует только об одном мечтать: чтоб старую, проржавленную цепь (он ее однажды уже порвал) сняли и купили бы новую, крепкую.

А купец Воротилов точно подслушал его скромно-честолюбивое вожеление: под самый Трезоркин праздник купил совсем новую, на диво выкованную цепь и сюрпризом приклепал ее к Трезоркину ошейнику. "Лай, Трезорка, лай!"

И залился он тем добродушным, залиvistым лаем, каким лают псы, не отделяющие своего собачьего благополучия от неприкосновенности амбара, к которому определила их хозяйская рука.

В общем, Трезорке жилось отлично, хотя, конечно, от времени до времени, не обходилось и без огорчений. В мире псов, точно так же, как и в мире людей, лесть, пронырство и зависть нередко играют роль, вовсе им по праву не принадлежащую. Не раз приходилось и Трезорке испытывать уколы зависти; но он был силен сознанием исполненного долга и ничего не боялся. И это вовсе не было с его стороны самомнением. Напротив, он первый готов был бы уступить честь и место любому новоявленному барбосу, который доказал бы свое первенство в деле непреоборимости. Нередко он даже с тревогою подумывал о том, кто заступит его место в ту минуту, когда старость или смерть положит предел его нестомчивости... Но увы! во всей громадной стае измелъчавших и излаявших псов, населявших Живодерку, он, по совести, не находил ни одного, на которого мог бы с уверенностью указать: "Вот мой преемник!" Так что когда интрига задумала во что бы то ни стало уронить

Трезорку в мнении купца Воротилова, то она достигла только одного -- и притом совершенно для нее нежелательного -- результата, а именно: выказала повальное оскудение псовых талантов.

Тем не менее купец Воротилов был прав, утверждая, что ничто под луною не вечно. Однажды утром воротиловский приказчик, проходя мимо собачьей конуры в амбар, застал Трезорку спящим. Никогда этого с ним не бывало. Спал ли он когда-нибудь -- вероятно, спал, -- никто этого не знал, и, во всяком случае, никто его спящим не заставлял. Разумеется, приказчик не замедлил доложить об этом казусе хозяину.

Купец Воротилов сам вышел к Трезорке, взглянул на него и, видя, что он повинно шевелит хвостом, как бы говоря: "И сам не понимаю, как со мной грех случился!" -- без гнева, полным участия голосом, сказал:

-- Что, старик, на кухню собрался? Стара стала, слаба стала? Ну, ладно! ты и на кухне службу сослужить можешь.

На первый раз, однако ж, решились ограничиться приисканием Трезорке подручного. Задача была нелегкая; тем не менее, после значительных хлопот, успели-таки отыскать у Калужских ворот некоего Арапку, репутация которого установилась уже довольно прочно.

Я не стану описывать, как Арапка первый признал авторитет Трезорки и беспрекословно ему подчинился, как оба они подружились, как Трезорку, с течением времени, окончательно перевели на кухню и как, несмотря на это, он бегал к Арапке и бескорыстно обучал его приемам подлинного купеческого пса... Скажу только одно: ни досуг, ни обилие сладких кусков, ни близость Кутьки не заставили Трезорку позабыть те вдохновенные минуты, которые он проводил, сидючи на цепи и дрожа от холода в длинные зимние ночи.

Время, однако ж, шло, и Трезорка все больше и больше старелся. На шее у него образовался зоб, который пригибал его голову к земле, так что он с трудом вставал на ноги; глаза почти не видели; уши висели неподвижно; шерсть свалялась и линяла клочьями; аппетит исчез, а постоянно ощущаемый холод заставлял бедного пса жаться к печке.

-- Воля ваша, Никанор Семеныч, а Трезорка начал паршиветь, -- доложила однажды купцу Воротилову кухарка.

На этот раз, однако, купец Воротилов не сказал ни слова. Тем не менее кухарка не унялась и через неделю опять доложила:

-- Как бы дети около Трезорки не испортились... Опаршивел он вовсе.

Но и на этот раз Воротилов промолчал. Тогда кухарка, через два дня, вбежала уже совсем обозленная и объявила, что она ни минуты не останется, ежели Трезорку из кухни не уберут. И так как кухарка мастерски готовила поросенка с кашей, а Воротилов безумно это блюдо любил, то участь Трезоркина была решена.

-- Не к тому я Трезорку готовил, -- сказал купец Воротилов с чувством, -- да, видно, правду пословица говорит: собаке -- собачья и смерть... Утопить Трезорку!

И вот вывели Трезорку на двор. Вся челядь высыпала, чтоб посмотреть на предсмертную агонию верного пса; даже хозяйские дети окно обсыпали. Арапка был тут же и, увидев старого учителя, приветливо замахал хвостом. Трезорка от старости еле передвигал ногами и, по-видимому, не понимал; но когда начал приближаться к воротам, то силы оставили его, и надо было его тащить волоком за загривок.

Что затем произошло -- об этом история умалчивает, но назад Трезорка уж не возвратился.

А вскоре Арапка и совсем изгнал Трезоркин образ из сердца купца Воротилова.